

(iii) составляют полную синтаксическую группу своего вершинного элемента (т. е. включают в себя не только сам вершинный элемент, который непосредственно связан с L, но и все слова, которые — прямо или косвенно — подчинены ему).

Кроме того, предполагается, что:

(iv) выражения, заполняющие разные валентности слова L, не имеют общих частей (т. е. не может быть так, чтобы одно и то же слово участвовало в заполнении более чем одной валентности слова L).

В предложении (1) первому из этих требований соответствует, например, тот факт, что словосочетание *школьный музей Коперника*, заполняющее объектную валентность глагола *показал*, через свою вершину — существительное *музей* — синтаксически зависит от этого слова; второму требованию — то, что существительное *музей* связано с глаголом *показал* непосредственно, третьему — то, что данная валентность заполняется не только самим словом *музей*, но и всеми его зависимыми — *школьный* и *Коперника*, а четвертому — то, что каждая из трех валентностей выражается отдельной группой.

В общем случае, однако, каждое из допущений (i) — (iv) оказывается слишком сильным. Имеется несколько классов случаев, когда не выполняется одно, два, три или даже все четыре из этих допущений. Разберем их подробнее.

1. Утверждение (i), как известно, не выполняется во многих определительных (в широком смысле слова) конструкциях. У зависимых членов таких конструкций — у наречий, предлогов, союзов, частиц, прилагательных, причастий и деепричастий — имеются валентности, заполняемые синтаксически господствующим словом (так называемые «пассивные» валентности). Например, в словосочетании *спелый персик* существительное *персик* синтаксически подчиняет прилагательное *спелый* и одновременно заполняет его семантическую валентность (поскольку это прилагательное, с семантической точки зрения, представляет собой предикат 'быть спелым').

2. Допущение (ii) нарушается в случае так называемых «смещенных» единиц. Говоря несколько огрубленно, «смещением» называется ситуация, когда слово L синтаксически связано со словом G, в то время как в предложении имеется слово W, которое, с точки зрения семантики, имеет на L «больше прав», чем G. Например, предложения (2) — (4) содержат смещенные отрицательные элементы:

(2) *Он не решил всех задач* (пример Е. В. Падучевой).

(3) *Tu n'as pas beaucoup changé en vingt ans.*

(4) *I don't see him often.*

В самом деле, во всех трех предложениях отрицательные элементы синтаксически связаны со сказуемым, в то время как семантически они относятся к другим словам: (2) = 'он решил не все задачи', (3) = 'за двадцать лет ты не очень изменился', (4) = 'я вижу его не часто'.

Подвергаться смещению в русском языке может не только частица *не*. В предложении (5), например, смещена частица *только*:

(5) *Я остался дома только из-за Маши.*

Здесь частица *только* синтаксически связана с предлогом *из-за*, но семантически ни в коей мере его не затрагивает. Идея единственности приписывается в (5) только Маше, выделяя ее из круга всех лиц, но не предикату 'причина', связывающему это лицо с фактом 'я остался дома'³. Интересные примеры смещения наречий приводятся в статье Ю. Д. Апресяна.

³ Более подробный анализ фактов, связанных со смещением, содержится в работах: Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., «Наука», 1974, с. 149—155; Богуславский И. М. О понятии смещенного отрицания. Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 107. М., Ин-т русск. яз. АН СССР, 1978.